

УДК 821.161.1.09

И.В.Миронова

**ГЕРОЙ В ЗЕРКАЛЕ ИМЕНИ: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ИМЯПОТРЕБЛЕНИЯ
В РОМАНЕ В.В.НАБОКОВА «ПОДВИГ»**

Волгоградский государственный университет

The image of the main character of Vladimir Nabokov's novel "The Glory" in a nomenological paradigm is considered. It is shown that the use of name in this literary work serves as a means to understand the "heroic" image in a more authentic way and also the idea of the whole novel. The image of Martin Edelweis is analyzed by means of correlation of the name of the character with the other images of Russian and foreign classics, folklore and authors' tales.

В рецензиях на роман «Подвиг» (1931 — 1932) многие критики выражают одновременно и восхищение талантом В.В.Набокова, и его неприятие. В словах рецензентов в адрес писателя, как это ни парадоксально, звучало обвинение в том, против чего он сам выступал чуть ли ни в каждом своем произведении, — в «пустоте», «холодности», «механичности» в изображении жизни. Подобное мнение представляется ошибочным не только относительно романа «Подвиг», но и всего творчества Набокова. Для верного истолкования набокских произведений надо отказаться от во многом ложного представления об их авторе как о «холодном эстетике», которому глубоко чужды этические проблемы.

Понятию «нравственность» Набоков противопоставлял презируемую им «пошлость». В программной лекции «Пошляки и пошлость» им дается характеристика «пошляков» и «обывателей»: они, по мнению писателя, «питаются запасом банальных идей, прибегая к избитым фразам и клише», кроме которых у них ничего нет. «Припечатывая что-то словом “пошлость”, мы не просто выносим эстетическое суждение, но и творим нравственный суд. Все подлинное, честное, прекрасное не может быть пошлым» [1]. Тот, кто видит мир по-своему, особенно, кто стремится даже в привычном разглядеть что-то новое, необычное, кто способен и не боится своими действиями выйти за границы стандартного существования, кто следует своему сердцу, а не шаблонам среды, — тот является для Набокова настоящим человеком. Такие люди, по его представлению, просто не могут не быть искренними, и значит, они нравственны. Проявление таких качеств Владимир Набоков расценивал как своеобразный «подвиг». И одноименный роман Набокова повествует именно о герое, который находит «волнение и волшебство» в самом обыденном, которому не усидеть на месте, которому важно доказать окружающим и прежде всего себе, что он способен на самоотверженный поступок.

Имяупотребление в «Подвиге» служит более аутентичному пониманию «героической» сути образа Мартына Эдельвейса, а также идеи всего произведения в целом. Поэтика имени в этом романе носит явно *интертекстуальный характер*, что является одной из парадигмальных особенностей творчества Набокова в целом. И это, несомненно, объясняется *игровой* нарративной стратегией писателя. Интертекстуальное пространство имяупотребления в «Подвиге» вбирает в себя как текстовый потенциал русской и зарубежной классики, так и фольклорной и авторской *сказки*.

Сказочный колорит набокского романа очевиден. Мартын и Соня выдумывают страну — «кошмар насильственного равенства под пронизывающей моросью декретов» [2], прообразом которой является Советская Россия. Название этой вымышленной страны — Зоорландия — явно предполагает зооморфную семантику образов. Через поэтику имени героя создаются интертекстуальные параллели со сказочной эпопеей С.Лагерлёф «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» и русской народной сказкой «Волшебное кольцо». В сказке Лагерлёф гуся, с которым совершил свое путешествие Нильс, зовут Мартином; в «Волшебном кольце» главный герой именуется Мартышкой. В обоих произведе-

ниях животные представлены как существа мудрые, сильные духом, сплоченные, готовые прийти на выручку, т. е. наделены лучшими *человеческими* качествами. Зоорландцев же людьми назвать трудно: «... вот, например, вышел там закон, что всем жителям надо брить головы, и потому теперь самые важные, самые такие влиятельные люди — парикмахеры» [3]. В «Путешествии Нильса» и в «Волшебном кольце» совершенно разные звери находят компромиссы, уживаются друг с другом, принимая и уважая особенности всех представителей животного мира. Зоорландские же законы, доходящие до абсурда, уравнивают всех, запрещают проявления индивидуальности.

Зоорландию можно назвать *антипространством*. Изображение такого пространства характерно для многих русских писателей XX в., прежде всего эмигрантов. Особенно явственно это проявилось в творчестве М.А.Булгакова, А.Белого, Е.И.Замятина и др. Так, зоорландский пейзаж схож с описанием места, «где века назад был Петербург», в рассказе Замятина «Пещера» (1922): «Ледники, мамонты, пустыни. Ночные, черные, чем-то похожие на дома, скалы; в скалах пещеры» [4]. Главного героя «Пещеры», как и у Набокова, зовут Мартин. Но образы их противопоставлены друг другу. Мартын Эдельвейс сохраняет нравственность до конца, Мартин Мартиныч же, поставленный в ужасные, первобытные условия существования, теряет свою человечность, как ни пытался он оградить себя от этой утраты. Имя Мартын — русская форма латинского Martinus (как и Martin в западноевропейских языках). Средневековая экзегетика возводила имя святого Мартина Турского одновременно к римскому богу войны Марсу (поскольку святой неустанно воевал с дьяволом) и к латинскому martyr (мученик).

Но если Мартын Эдельвейс в борьбе и мучениях совершенствует свой нравственный облик, то в обреченной душе Мартина Мартиныча побеждает «пещерное» начало. В первобытном, диком обществе рассказа Замятина людям приходится «грызть друг другу горло» в борьбе за свою жизнь. Мораль практически изжила в человеке. Если и был Мартин Мартиныч ее носителем и хранителем, он не смог устоять перед искушением демонических сил. Переломная эпоха ставит человека перед выбором: сохранить ли духовность или вернуться к господству первобытных инстинктов. В схватке на лестничной клетке побеждает пещерный человек. И после этого Замятин уже применяет к герою такой близкий Набокову эпитет, как «механический», который он присваивает своим персонажам, утратившим нравственный, личностный облик.

Если Мартин Мартиныч является антагонистом Мартына Эдельвейса, то герой явного интертекста «Подвига» — романа В.М.Бахметьева «Преступление Мартына» (1928) — Мартын Баймаков близок набокскому Мартыну, их судьбы схожи.

Мартын Эдельвейс находил, что он трусоват. Эта черта вызывала в герое недовольство собой и беспокойство, и он искал возможности испытать себя, проверить свою способность быть храбрым. Более пылкий, чем Эдельвейс, Мартын Баймаков всегда старался быть мужественным, решительным в по-

ступках. Он так же, как и герой «Подвига», пытался гнать от себя страх и боялся быть уличенным в трусости. Он делал «не всегда то, что считал возможным и доступным для себя, у него была тяга к необычному, неопределенному» [5]. Так и Мартын Эдельвейс, хотя и мог сделать успешную карьеру, жить в почете и достатке, на протяжении всего романа маялся, пытался найти занятие, которое выходило бы за рамки обыденности и имело бы не столько личное, сколько общечеловеческое значение. Оба Мартына ожидали «чудесного», «большого, значительного дела», «такого, чему люди удивляться будут» [6].

Мартын Баймаков, хотя и был большевиком, для которого классовые порядки должны быть превыше всего, не сомневался, что жить, действовать надо по сердцу, и что сердце человека не имеет партийной принадлежности: «Дело в том... что каждый из нас — не автомат, не машина! Понятия — понятиями, а сердца со счета не выбросишь» [7]. Мартын Эдельвейс также считал, что в людях должна присутствовать индивидуальность, не подчиняющаяся никаким классовым принципам. Каждый человек особенный. И мыслить, и поступать он должен по-своему, а не по «шаблону» партии или какого-либо другого сообщества.

Мартын Баймаков признает, что Туляков, в отличие от него, в ту роковую ночь на станции исполнил свой долг. А в «Подвиге» Соня Зиланова, вспоминая умершую сестру, сообщает Мартыну: «...Она всегда говорила, что самое главное в жизни — это исполнять свой долг и ни о чем прочем не думать. Это очень глубокая мысль, правда?» — «<...> Может быть. Но ведь иногда это скучновато». — «Ах, нет же, нет, — не просто дело, не работу или там службу, а такое, ну такое, — внутреннее» [8].

И оба Мартына в итоге решаются выполнить свой внутренний долг, преодолевают свои страхи и совершают то, что велит им сердце. Баймаков погибает, до конца прикрывая беженцев. Его смерть действительно можно назвать героической, ведь бой был в общем-то безнадежным. Мартын принимает смерть с гордостью, зная, что погибает не зря. И Зина представила Мартына «уже победителем: он стряхнул с себя путы сумеречного прошлого, поднял из искры одинокой любви к человеку пламя подвига...» [9]. Так и Мартын Эдельвейс идет по большому счету на верную смерть, но следует тому, что считает своим долгом — не с визой в поезде, а тайно пробраться в Россию через границу. Когда Дарвин принес весть о Мартыне Зилановым, Михаил Платонович сказал: «Никак не могу понять, как молодой человек, довольно далекий от русских вопросов, скорее, знаете, иностранной складки, мог оказаться способен на... на подвиг, если хотите» [10].

Мартын Эдельвейс сильно любит свою покинутую родину. Где бы Мартын ни был, чем бы ни занимался, он представляет себе Россию, тоскует по ней. У него зарождается мечта вновь оказаться в стране своего детства. В некотором смысле Мартын здесь схож с Евгением Онегиным из романа А.С.Пушкина. На сближение этих образов указывает и поэтика имени. Фамилия Мартына — Эдельвейс.

Она совпадает с названием альпийского цветка *Leontopodium alpinum*, название которого произошло от немецкого «edel» — «благородный» и «weis» — «белый». Имя Онегина Евгений (от греч. *eugenēs*) тоже переводится как «благородный». В обоих романах возникает мотив «путешествия». Онегин отправляется, как полагает Набоков, в путешествие по России после странствий по Западной Европе (см. [11]).

В общем-то, мотивация всех путешествий и Мартына, и Евгения одинакова. Онегину опостылел свет с его пошлыми устоями, фальшивыми нравами. Он отрекается от них. После дуэли с Ленским Онегин, скорее всего, отправляется в путешествие по Западной Европе (Набоков не отрицает, что «у Пушкина могла бы возникнуть мысль — послать своего героя за границу» [12]), в которой также разочаровался. Мартын, как и Евгений, не находит себе места и применения в своем мире (отметим, что набоковский герой тоже заброшен судьбой в Западную Европу). Эдельвейс не обеспокоен своей карьерой, проблемы материального достатка мало его интересуют. Получив отличное образование в Кембридже, Мартын сознательно отказывается от перспективной работы в Женеве. Его влечет необычное, неизведанное. Так и Евгений Онегин находится в поиске. Он отказался от большого света, деревня его также не устроила. Третьего эпоха ему предложить не могла. Таким образом, энергичный, жаждущий полноценной жизни, действий Евгений был обречен на скитания в надежде найти свой единственный путь. Мартын же определил для себя, что, совершив тайный переход российской границы, он выполнит свой долг, пройдет дорожкой, предназначенной ему судьбой.

Для других поступков Мартына Эдельвейса остается непостижимым и бессмысленным. Однако Набоков видел свою задачу в том, чтобы доказать, что этот человек, который принимает вроде бы бессмысленную смерть, несет в себе подвиг. Казалось бы, Дарвин призван был совершить великие деяния — он человек действия, герой войны, одаренный и оригинальный писатель, а Мартыну не хватает силы воображения, чтобы выразить себя; Дарвина везет в любви, тогда как Мартын оказывается отвергнутым Соней. Но Дарвин довольствуется образцовой невестой, вялой респектабельностью и самодовольными видами на успех в качестве комментатора по экономическим и государственным вопросам. Возникает аллюзия на Чарльза Дарвина, автора теории эволюции, в основу которой легли принципы естественного и искусственного отбора. Набоковский Дарвин приспособляется к жизни своего времени, принимает ее правила, чтобы существовать в материальном достатке и душевном спокойствии, без рискованных поисков. Он достиг того статуса, который можно обозначить как «почтенный человек». Дарвин становится «обывателем». Мартын же остается верен неугомонному, яркому воображению детства. Не наделенный особыми талантами, Мартын мог бы показаться одним из тех героев Набокова, которые служат противоположностью своему творцу, однако именно он, а не Дарвин, сохраняет верность заповеди Годунова-Чердынцева и самого Набокова:

О, поклянись, что веришь в небылицу,
Что будешь только вымыслу верна,
Что не запрешь души своей в темницу,
Не скажешь, руку протянув: стена [13].

Эдельвейс — белый альпийский цветок, который обычно символизирует храбрость, стойкость и чистоту. Мартын не отрекается от той идеи, которая вложена в его фамилию. И именно его жизнь оказывается непреходящей победой.

-
1. Набоков В.В. Лекции по русской литературе / Пер. с англ. М., 2001. С.385-388.

2. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. М., 2001. С.417.
3. Набоков В.В. Русский период. Собр. соч. в 5 т. СПб., 1999 — 2000. Т.3. С.206.
4. Замятин Е. Избранное. М., 1989. С.185.
5. Бахметьев В.М. Преступление Мартына. Рассказы. М., 1989. С.13.
6. Там же. С.132.
7. Там же. С.16.
8. Набоков В.В. Указ. соч. С.165.
9. Бахметьев В.М. Указ. соч. С.258.
10. Набоков В.В. Указ. соч. С.248.
11. Набоков В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ. Под ред. А.Н.Николюкина. М., 1999. С.801.
12. Там же. С.798.
13. Набоков В.В. Русский период. Т.4. С.357.